

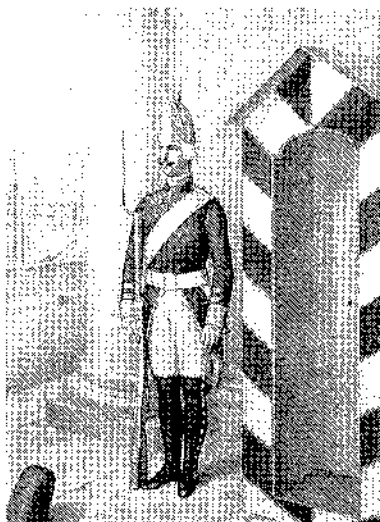
К. Л. Козюренко

ЕЩЕ РАЗ О ПРИЧИНАХ ОПАЛЫ А. В. СУВОРОВА 1800 г.

Впервые эта статья увидела свет в 1998 г. в альманахе «Новый Часовой»¹, как ответ на работу старшего научного сотрудника С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН, кандидата исторических наук М. М. Сафонова «Суворов и оппозиция Павлу I», появившуюся на страницах журнала «Вопросы истории»². Михаил Михайлович Сафонов известен в нашем городе как активный популяризатор собственных взглядов на различные проблемы отечественной истории конца XVIII— начала XIX вв. в телепередачах и газетах. Соответственно адаптированный вариант своей статьи он напечатал и в еженедельнике «Час пик»³. Правда вскоре после того как была опубликована наша точка зрения, М. М. Сафонов подготовил специальную телепередачу, где признал, что вопрос с «последней опалой Суворова» по-прежнему остается открытым. Но в 2001 г. в журнале «Родина» вышла новая статья исследователя «Последняя опала генералиссимуса: Отчего Суворов впал в немилость»⁴, практически дословно повторяющая предыдущие его утверждения, что заставило и нас вновь обратиться к этой теме.

Итак, вполне справедливо заметив, что «последняя страница жизни А. В. Суворова — предсмертная опала — остается до сих пор не вполне понятной», М. М. Сафонов предложил читателям новое объяснение причины немилости, постигшей полководца у императора Павла I непосредственно перед кончиной в 1800 г. По мысли автора, источником опалы явилась связь между А. В. Суворовым и т. н. «смоленским заговором» против императора.

В историографии «смоленским заговором» именуется существовавший в 1797—1798 гг. антиправительственный кружок из числа офицеров

Фузилер гренадерского полка,
1797—1801 гг.

расквартированных в этой губернии полков, чиновников местной администрации, гражданских лиц и отставных военных. Руководили им отставной полковник А. М. Каховский и выключенный из службы полковник П. С. Дехтерев. Материалы следствия по делу этой организации были введены в научный оборот в 1952 г. Т. Г. Снытко⁵. Тогда она трактовалась в историографии как преддекабристская⁶. Эту версию поставил под сомнение Н. Я. Эйдельман, обратив внимание на обширные связи заговорщиков в высших сферах столицы, откуда во время следствия они получали действенную помощь и поддержку. Он связал «смоленский заговор» с антипавловской дворцовой интригой, которая существовала в 1797—1799 гг.⁷ Это мнение поддержал в своей монографии и М. М. Сафонов, в специальной главе, посвященной организованной оппозиции Павлу I, увязав кружок Дехтерева-Каховского с деятельностью «молодых друзей» наследника престола и клана братьев Зубовых⁸.

Имя Суворова фигурирует в документах следствия всего единожды, на втором его этапе, уже после того как в июле-августе 1798 г. «смоленский заговор» был разгромлен, а его руководители отправлены в крепость и ссылку⁹. Откровенные показания одного из арестованных, капитана В. С. Кряжева, позволили руководившему дознанием генералу Ф. И. Линденеру в ходе возобновленного в ноябре 1798 г. разбирательства вскрыть связи смоленских заговорщиков с широким кругом высокопоставленных лиц в Петербурге. Преодолевая сопротивление столичных «протекторов» заговора, включая генерал-прокурора П. В. Лопухина, которые добились прекращения дела, Линденер передал в начале 1799 г. показания Кряжева лично Павлу¹⁰. Именно в них арестованный, среди прочего, писал: «Еще однажды случилось мне слышать от полковника Каховского, что он при самом начале царствования государя имел план к перемене правления...», который состоял в том чтобы склонить командовавшего в 1796 г. войсками в Тульчине Суворова выступить против Павла и свергнуть его с престола. «Но сего плану не мог открыть графу Суворову не быв допущен к нему его адъютантами, которым он однако ж о сем открыл»¹¹.

Как видим, из показаний Кряжева следует, что Суворов лично о планах Каховского не узнал. Однако это свидетельство арестованного было поставлено Т. Г. Снытко под сомнение: «Во-первых, Каховский не стал бы излагать свой план адъютантам Суворова, и, во-вторых, не пустить Каховского к Суворову адъютанты не могли: к Суворову он

имел доступ в любое время»¹². Эти утверждения на наш взгляд бездоказательны. Во-первых, мнение Т. Г. Снытко и М. М. Сафонова о том, что «...А. М. Каховский занимал видное место при штабе А. В. Суворова... являлся одним из немногих офицеров, сохранивших надолго расположение Суворова...» даже был «его любимец»¹³ не подкреплено фактами. В период 1787—1798 гг. Каховский всего дважды упомянут в опубликованной суворовской корреспонденции, оба раза среди десятков других офицеров, отличившихся при штурмах Измаила в 1790 г. и Праги в 1794 г.¹⁴ Других свидетельств общения Суворова и Каховского как будто бы не известно. Поэтому не ясно, каким образом обер-кригскомиссар Инспекторской экспедиции Военной коллегии, каковую должность А. М. Каховский занимал перед отставкой в 1796 г., мог иметь «доступ в любое время» к генерал-фельдмаршалу, под командой которого в это время даже не служил.

Во-вторых, поскольку не ясно о каких «адъютантах Суворова» идет речь в рассказе Кряжева, интерпретировать это свидетельство вообще затруднительно. С одной стороны, фельдмаршал имел при себе в Тульчине большую офицерскую свиту, как было принято в екатерининской армии. Распоряжение Павла о ее роспуске послужило одним из поводов к конфликту между императором и Суворовым. После выхода последнего в 1797 г. в отставку 18 офицеров его штаба последовали за опальным полководцем в Кобрин, где им была то ли подарена, то ли временно предоставлена часть суворовских имений. Лишь немногие из них сохранили расположение фельдмаршала в последующие годы, а с большинством тяжбы о возвращении имущества продолжались еще и после смерти Суворова¹⁵. С другой стороны, по свидетельству ряда осведомленных мемуаристов, канцелярией командующего в Тульчине заправляли генеральс-адъютант Суворова П. Г. Тищенко и адъютант штаба Д. Д. Мандрыкин, которые фактически и решали кого из сторонних визитеров допустить к фельдмаршалу на прием¹⁶. В любом случае все эти личности ничего выдающегося из себя не представляли и крайне маловероятно, чтобы они передали своему патрону план государственного переворота, даже если и узнали о нем.

Не ясно также, на чем основано мнение Т. Г. Снытко что «Кряжев явно желал выгородить фельдмаршала» путем оговорок в конце своих показаний¹⁷. Имей он такое желание, гораздо проще было бы вовсе не упоминать об этом рассказе Каховского, тем более что подобных

сведений никто другой следствию не давал. Из предыдущей биографии Кряжева также нельзя усмотреть никаких причин для особой любви к Суворову, под командой которого он даже ни разу не состоял. Зато В. С. Кряжев являлся практически единственным из арестованных заговорщиков, кто, испугавшись, давал весьма подробные показания¹⁸. Поэтому гораздо логичнее на наш взгляд предположить, что привлеченный к ответственности капитан, стремясь смягчить свою вину чистосердечным признанием, выдал следствию все что когда-либо слышал от Каховского и других. Поскольку от полноты и точности показаний зависела его собственная судьба не доверять им оснований как будто бы нет.

Правда Т. Г. Снытко, в подкрепление своей версии, приводит также неопубликованный рассказ из воспоминаний брата по матери А. М. Каховского и тоже участника «смоленского заговора», знаменитого генерала А. П. Ермолова. По его версии Каховский, «однажды, говоря об императоре Павле» с Суворовым, прозрачно намекнул фельдмаршалу на возможность вооруженного выступления против самодержца. «Суворов подпрыгнул и перекрестил рот Каховского. «Молчи, молчи, — сказал он, — не могу. Кровь сограждан!»¹⁹ Однако эта сцена, без указания времени и места, носит все черты апокрифа, одного из многочисленных суворовских анекдотов. Александр Васильевич бывало на людях сознательно совершал подобные эскапады с прыжками, давая пищу пересудам о своих чудачествах. Но в серьезных разговорах наедине, как отмечают все близко общавшиеся с ним, он вел себя вполне адекватно. Наличие же этих двух версий обращения Каховского к Суворову на наш взгляд может вызвать сомнение в достоверности самого события. Не распространял ли Каховский среди своих сторонников для поднятия их духа рассказ в разных вариациях о том, что в замыслы заговорщиков в той или иной степени посвящен самый знаменитый российский полководец того времени? Во всяком случае из всего вышеприведенного никак нельзя заключить «с полной очевидностью... что Суворов не только был в курсе планов Каховского, но и сочувствовал им»²⁰.

Мы столь подробно остановились на суждениях Т. Г. Снытко поскольку М. М. Сафонов принял его аргументацию практически без изменений. При этом исследователь изложил историю обращения Каховского к Суворову в 1796 г. таким образом, что из текста следует, будто содержание ермоловского рассказа об этой беседе принадле-

жит Кряжеву, между тем последний, как мы помним, утверждал обратное²¹. Кроме того автор выдвинул еще одно доказательство осведомленности фельдмаршала о замыслах будущего главы смоленских заговорщиков: «Д. И. Хвостову Суворов 6 января 1797 г. писал: «Совесть мне воспрещает надеть военный пояс против герба России, которой я столько служил»²². Подобная интерпретация этой фразы вызывает сразу два вопроса. Во-первых, удивительно, что уже находившийся в конфликте с Павлом полководец столь безбоязненно излагает в письме свои мысли о военном мятеже против законного государя. Хвостов хотя и был долгие годы доверенным корреспондентом Суворова, но все же отнюдь не в той степени, чтобы сообщать ему мысли о самом тяжком из всех возможных государственных преступлений. Во-вторых, непонятно почему речь идет о «гербе России», ведь Каховский отнюдь не собирался выступать на стороне какой-либо иностранной державы. Чтобы попытаться разъяснить эти сомнения, обратимся непосредственно к тексту суворовского письма.

В начале января 1797 г. фельдмаршал собирался просить об увольнении его от командования войсками по несогласию с некоторыми из армейских реформ нового императора. Д. И. Хвостов в это время, как и в предшествующие шесть лет, снабжал Суворова информацией о происходящем в столице, при дворе, а также давал советы как вести себя в той или иной ситуации, складывавшейся во взаимоотношениях полководца с Петербургом. Поэтому рассматривая корреспонденцию фельдмаршала следует учитывать, что перед нами своеобразный диалог с Хвостовым. Многие в посланиях Суворова является ответом на различные замечания, предложения, соображения, высказанные последним. Вне этого контекста интерпретировать переписку фельдмаршала весьма затруднительно, толкование ее содержания может быть весьма различным. Именно так, на наш взгляд, обстоит дело с изложенным в письме от 6 января 1797 г.: «Совесть мне воспрещает надеть военный пояс против герба России, которой я столько служил. Разве без головы или прусский в прусской службе. Здесь Александру Дмитриевичу (маленький сын Хвостова — К. К.) кокард Петра Великого, который я носил и не оставлю до кончины моей»²³.

Думается, что данная сентенция возникла в процессе обсуждения в переписке с Д. И. Хвостовым возможности перехода А. В. Суворова на иностранную службу. Само по себе это не представляло ничего

особенного, поскольку в 1793—1794 гг., в ситуациях, когда Суворов считал себя обиженным и несправедливо обойденным верховной властью, он дважды официально просил: «...Высочайше повелеть меня... уволить волонтером к немецким и союзным войскам...»²⁴. Во время конфликта рубежа 1796—1797 гг. фельдмаршал вспоминает о том, что у него осталась «...власть Выс[очайшего] указа 1762 году (вольность дворянства)»²⁵. Этот указ, как известно, декларировал, кроме права служить или не служить в России, еще и право дворянина выезжать за рубеж и поступать на службу к иностранным монархам. В январе 1797 г., обдумав различные возможности, Суворов предпочел лишь отказаться от командования войсками и просил Павла «...о Всемилоостивейшем увольнении меня в мои здешние кобринские деревни на сей текущий год»²⁶. В письмах же к Хвостову вполне возможно содержатся объяснения причин, по которым фельдмаршал в данное время не может поступить на службу другой державы. Во-первых, это общее его неодобрительное отношение к «волонтерству»: «И великий Кобург мерсинер (наемник — К. К.), но ни я, ни русские — они отечественники — различие иностранных правлений с российским»²⁷. Во-вторых, в отличие от 1793—1794 гг., Россия находилась в этот период в весьма сложных отношениях с Пруссией и Австрией, так что не исключалась даже возможность войны с первой. Отсюда опасения Суворова как бы не оказаться на службе у державы, которая вступит в конфликт с его родиной, «...которой я столько служил». А поскольку он не желает стать «прусским в прусской службе» или лишиться головы за измену, то следует вывод: «Я, Боже избавь, никогда против отечества»²⁸.

Еще одним доказательством причастности фельдмаршала к «смоленскому делу» М. М. Сафонов считает то, что «среди членов кружка было несколько человек, лично связанных с Суворовым». Исследователь называет М. Д. Балка, М. И. Зыбина, П. Г. Гагарина²⁹. Насколько это утверждение обосновано? Сафонов посчитал, что М. Д. Балк «...близкий Суворову человек... очевидно, родственник А. М. Балка, управляющего новгородскими деревнями Суворова», опираясь на утверждение В. С. Лопатина в комментарии к суворовскому письму от 1796 г., а последний, в свою очередь, вероятно почерпнул это у составителей именно указателя к предыдущей публикации корреспонденции полководца³⁰. Однако данное мнение основано на недоразумении, поскольку в указанном письме явно имеется в виду А. М. Балк, так как речь идет о подготовке для Суворова дома в «Новгородских

деревнях». Что же касается Михаила Дмитриевича Балка, то он никогда не состоял под командой Суворова и не упоминался в его опубликованной переписке. Близкое его родство с А. М. Балком требует доказательств, поскольку эта фамилия была весьма разветвленной³¹. Михаил Иванович Зыбин упомянут Суворовым лишь однажды, когда в 1788 г. генерал-аншеф просил начальника канцелярии Потемкина В. С. Попова в последних строках своего письма из Кинбурна: «...ежели можно, пособите ему в его прозьбе...»³². Более сведений о том, что Зыбин пользовался «покровительством Суворова» не имеется и после 1788 г. он под начальством Александра Васильевича не состоял. В письме от 13 декабря 1792 г., на которое также ссылается М. М. Сафонов, определенно упомянут другой Зыбин, скорее всего адъютант Суворова в обер-офицерских чинах, тогда как Михаил Иванович еще четыре года ранее был подполковником³³. Наконец М. И. Зыбин был полностью оправдан Линденером, который, после ознакомления с добровольно переданными полковником в следственную комиссию личными бумагами, донес генерал-прокурору о том, что сведений, подтверждающих связи Зыбина с заговором не найдено³⁴.

Однако наиболее интересная ситуация складывается с наличием в списке Сафонова князя Павла Гавриловича Гагарина, который аттестован исследователем как «сын одного из участников ланинского кружка... (сочинитель антиправительственных песен и стихов)...», который «видимо, тоже был близок Суворову». При этом автор ссылается на Русский биографический словарь, в котором однако содержатся совсем другие сведения. До 1799 г. П. Г. Гагарин с Суворовым вероятно вовсе не встречался, зато в 1793—1794 гг. служил при штабе известного антагониста полководца, князя Н. В. Репнина. Адъютантом к фельдмаршалу Гагарин был назначен уже в Италии, после чего на него посыпались императорские милости: чин полковника в преобразенском батальоне Его Величества, генерал-адъютантство. «Причиной такого быстрого возвышения Г. было то, что фаворитка Павла I княжна Анна Петровна Лопухина призналась Государю в своей любви к Г. 8 февраля 1800 г. произошло венчание Г. и княжны»³⁵. Со стороны императора это весьма странный способ наказания «сочинителя антиправительственных стихов и песен».

Вряд ли можно считать, что Суворов «представил в столицу новые доказательства своей политической неблагонадежности» и когда, уже будучи в Италии, просил Ф. В. Ростопчина исходатайствовать у им-

ператора прощение для заключенного в крепость А. М. Каховского и прислать его в действующую армию. М. М. Сафонов пишет, что «разумеется, просьба не была удовлетворена»³⁶. Однако, судя по всему, она и не дошла до Павла, поскольку «...Ростопчин ответил, что ходатайствовать за Каховского «еще рано»³⁷. Эта просьба фельдмаршала, скорее всего инициированная кем-либо из офицеров, ранее знавших Каховского, имела целью дать ему возможность заглавить свою вину на поле боя и не видно каким образом она повлияла в отрицательном смысле на отношение императора к Суворову.

Собственно вышеизложенными соображениями и исчерпывается фактическое обоснование М. М. Сафоновым своего нового объяснения причин предсмертной опалы Суворова. Утверждения же о том, что «в воображении царя» имя полководца было связано с братьями Зубовыми и «всякие новые сведения о конспиративной деятельности и Зубовых, и «молодых друзей» наследника престола являлись одновременно ударом и по Суворову, так как после признаний Кряжева в конце 1798 г. все эти имена были связаны в один узел»³⁸, не подкреплены источниками. Неизвестно какие именно бумаги передал в начале февраля 1799 г. Павлу I Линденер, поскольку исследователь не указал откуда именно почерпнуты им эти сведения. В работе Т. Г. Снытко никаких данных по этому поводу не содержится. Фигурировало ли вообще имя Суворова в донесениях следствия императору? Если да, то в каком контексте? Ответов на эти вопросы М. М. Сафонов не дает, а без них судить о возможном влиянии «раскрытий» Линденера на судьбу Суворова невозможно, равно как и утверждать, что «...никакие победы не могли заставить Павла I забыть о том, что Суворов в свое время не донес на Каховского...»³⁹. Ведь об интересе властей к сообщенным Кряжевным фактам ничего не известно. Нет сведений о том, предпринимались ли попытки проверить данные о наличии у Каховского уже в 1796 г. плана государственного переворота и причастности к ним Суворова хотя бы путем допроса людей из бывшего окружения фельдмаршала в Тульчине. Показания Кряжева на их судьбе как будто бы не отразились⁴⁰.

Думается, что М. М. Сафонов напрасно с ходу отверг мнения предшествующей историографии по поводу последней опалы Суворова. В нашу задачу не входит доказательство альтернативного объяснения причин этого события, но все же нельзя не обратить внимание на возможную связь его как с изменениями во внешней политике Рос-

сийской империи вт. пол. 90-х гг. XVIII в., так и с особенностями личности Павла I. Обе эти причины уже рассматривались историками, правда, как правило, без взаимной связи. Прежде всего следует отметить, что почти все лица, причиной падения «кредита» которых при дворе М. М. Сафонов считает причастность к «смоленскому делу» — А. Б. Куракин, А. А. Безбородко, В. П. Кочубей, являлись противниками войны с Францией. Историки дипломатии придерживаются мнения, что в нач. 1799 г. они впали в немилость именно в связи с этой своей позицией⁴¹. Далее, на наш взгляд, сомнительно утверждение М. М. Сафонова о том, что «когда тучи сгустились над головой Суворова» в начале 1799 г., «затевать „дело“ против него было невозможно» по причине требования Австрии и Англии назначить полководца командующим союзной армией в Италии⁴². Павел вступал в войну с намерением сделать Россию основной силой европейской политики, дабы установить на континенте выгодное ей «равновесие», не отнавливаясь при необходимости и перед тем чтобы «предписать закон Венскому двору»⁴³. С учетом особенностей личности императора кажется невероятным, чтобы он уступил давлению какого-либо иностранного монарха в вопросе назначения главнокомандующим человека, подозреваемого в соучастии в заговоре с целью свержения своей особы с престола!

Между тем, в начале 1800 г., возвращавшийся из армии в Россию Суворов совершил ряд шагов, которые вполне могли раздражить Павла I до той степени чтобы он выказал генералиссимусу знаки своего неудовольствия. По мнению современного исследователя мировоззрения императора «...характерной чертой личности Павла Петровича является его стремление к законности, весьма своеобразно понимаемой как возможно более точное и быстрое выполнение всех указов, циркуляров и предписаний, особенно если они исходят от государя»⁴⁴. Как известно, в декабре 1799—январе 1800 гг. Россия совершила резкий поворот в своей внешней политике, выйдя из войны и второй коалиции против Франции. В период с января по апрель 1800 г. император фактически разорвал отношения с бывшими союзниками. Более того, уже в январе Павел говорил о своей готовности откликнуться на мирные предложения Бонапарта⁴⁵. Однако Суворов в это же время вел в Чехии переговоры с английским посланником в Вене Минто и австрийским представителем Бельгардом, а также неаполитанским дипломатом Галло, которые пытались предотвратить выход

России из коалиции⁴⁶. Хотя генералиссимус, судя по всему, держался в рамках данных ему из Петербурга инструкций, не было тайной что он ждал возобновления войны и возможно «был против выхода России из коалиции»⁴⁷. Вряд ли это могло понравиться императору, который, кроме того, в свете нового направления своей внешней политики, был вероятно уже не заинтересован в чрезмерном акцентировании внимания на недавних успехах русского оружия в Италии.

Еще одной характерной чертой Павла являлось то, что «лица, уличенные в отступлении от установленного порядка, сурово наказывались, вне зависимости от тяжести проступка и прошлых заслуг»⁴⁸. В этой связи мы бы не рискнули считать «вздорными» возможные причины недовольства императора Суворовым из-за состояния российских войск, возвращавшихся на родину. Кроме того генералиссимус в половине марта 1800 г. «отказался выполнить переданное ему пожелание Павла I сложить с себя звание австрийского фельдмаршала» и даже высказал желание появляться в Петербурге в этом мундире⁴⁹. Это последнее тоже могло быть расценено императором как непопозвожительная дерзость и открытая демонстрация против его политики.

Исходя из всего вышеизложенного, мы считаем, что М. М. Сафонов не привел достаточных доказательств для обоснования своего мнения о причинах предсмертной немилости А. В. Суворова. Тем более нет оснований для столь решительного вывода, что «Павел ни на минуту не забывал об изменнических «конспирациях» Суворова. Поэтому вместо триумфа по возвращении его ждала вполне заслуженная опала. Дальнейшее хорошо известно»⁵⁰. Напротив, обстоятельства последнего месяца жизни великого полководца еще ждут своего беспристрастного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Козюренко К. Л. К вопросу о причинах опалы А. В. Суворова 1800 г. // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. 1998. № 6—7. С. 164—171.

² Сафонов М. М. Суворов и оппозиция Павлу I // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 127—134.

³ Сафонов М. М. Загадка опалы Суворова // «Час пик». № 18 (452). 11 октября 1995 г. С. 14.

⁴ Сафонов М. Последняя опала генералиссимуса: Отчего Суворов впал в немилость // Родина. 2001. № 12. С. 38—41.

⁵ Снытко Т. Г. Новые материалы по истории общественного движения кон. XVIII в. // Вопросы истории. 1952. № 9. С. 111—122.

⁶ Там же. С. 122; Рябков Т. Г. Ранняя преддекабристская организация (к истории кружка А. М. Каховского) // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 5. Смоленск, 1963. С. 146—164.

⁷ Эйдельман Н. Я. Дворцовый заговор 1797—1799 гг. // Вопросы истории. 1981. № 1. С. 103—112.

⁸ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 53—59.

⁹ О ходе следствия см.: Сафонов М. М. Суворов и оппозиция Павлу I. С. 129—130.

¹⁰ Там же. С. 130.

¹¹ Снытко Т. Г. Новые материалы по истории общественного движения кон. XVIII в. С. 112.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 111; Сафонов М. М. Суворов и оппозиция Павлу I. С. 128.

¹⁴ См.: Рапорт А. В. Суворова Г. А. Потемкину о взятии крепости Измаил, 21 декабря 1790 г. // А. В. Суворов. Документы. М., 1951. Т. II. С. 570; Реляция А. В. Суворова П. А. Румянцеву о штурме Праги, 7 ноября 1794 г. // Там же. М., 1952. Т. III. С. 415. Служа в кавалерии, Каховский участвовал в обоих штурмах волонтером при пехотных частях.

¹⁵ Об этих делах см.: Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Т. 2. С. 349—350, 355—356, 363—364, 380—383, 394—396.

¹⁶ См. напр.: Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. Т. 83. № 3. С. 159; № 5. С. 186; Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1868. С. 184, 188—190.

¹⁷ Снытко Т. Г. Новые материалы по истории общественного движения кон. XVIII в. С. 112.

¹⁸ См.: Там же. С. 114. В. С. Лопатин предположил, что именно этот Кряжев являлся переводчиком и составителем двух книг о Суворове, вышедших в 1805 и 1809 гг. Но данная гипотеза требует дополнительного обоснования. См.: А. В. Суворов. Письма. М., 1986. С. 419, 421.

¹⁹ Цит. по: Снытко Т. Г. Новые материалы по истории общественного движения кон. XVIII в. С. 112.

²⁰ Там же.

²¹ Сафонов М. М. Суворов и оппозиция Павлу I. С. 128. Эта, недопустимая с источниковедческой точки зрения, «амальгама» двух совершенно различных по типу, времени и происхождению источников не разъясняется и в сделанной автором «глухой» ссылке на работу Снытко и место хранения видимо, неопубликованного фрагмента воспоминаний Ермолова. См.: Там же. С. 133. Примеч. 8.

²² Там же.

²³ Письмо А. В. Суворова Д. И. Хвостову, 6 января 1797 г. // А. В. Суворов. Письма. М., 1986. С. 318.

²⁴ Письмо А. В. Суворова Екатерине II, ... июня 1793 г. // Там же. С. 252; То же, 24 июля 1794 г. // Там же. С. 274.

²⁵ Письмо А. В. Суворова Д. И. Хвостову, 11 января 1797 г. // Там же. С. 318.

²⁶ Письмо А. В. Суворова Павлу I, 11 января 1797 г. // Там же. С. 319.

²⁷ Письмо А. В. Суворова Д. И. Хвостову, 29 декабря 1796 г. // Там же. С. 316—317.

²⁸ Письмо А. В. Суворова Д. И. Хвостову, 10 января 1797 г. // Там же. С. 318. Как записку Суворова «о невозможности для него поступить на службу в иностранную армию» интерпретировали подлинник письма Хвостову от 6 января 1797 г. и составители описания собрания бумаг полководца в Отделе рукописей РНБ. См.: Описание собрания рукописных материалов А. В. Суворова. Л., 1955. С. 170.

²⁹ Сафонов М. М. Суворов и оппозиция Павлу I. С. 133. Примеч. 11.

³⁰ Ср.: А. В. Суворов. Письма. С. 680; А. В. Суворов. Документы. Т. III. С. 545, 604.

³¹ Подробнее о М. Д. Балке и Балках см.: Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. «Алексинский—Бестужев-Рюмин». С. 446—447, 449—450.

³² Письмо А. В. Суворова В. С. Попову, 24 января 1788 г. // А. В. Суворов. Письма. С. 124.

³³ «Зыбин, что вы бежите в роту, разве у меня вам худо...» (Там же. С. 244). Такого же мнения придерживается и комментатор этого письма В. С. Лопатин: «О каком Зыбине идет речь, не ясно» (Там же. С. 640).

³⁴ Снытко Т. Г. Новые материалы по истории общественного движения кон. XVIII в. С. 120.

³⁵ Русский биографический словарь. М., 1914. Т. «Гааг—Гербель». С. 84. См. также: Знаменитые россияне XVIII—XIX вв. Биографии и портреты. СПб., 1995. С. 324—325.

³⁶ Сафонов М. М. Суворов и оппозиция Павлу I. С. 131—132.

³⁷ Снытко Т. Г. Новые материалы по истории общественного движения кон. XVIII в. С. 111.

³⁸ Сафонов М. М. Суворов и оппозиция Павлу I. С. 130, 132.

³⁹ Там же. С. 131.

⁴⁰ И. Ф. Антинг и С. Х. Ставраков находились при штабе Суворова в 1799—1800 гг., так как не утратили его доверия после истории с кобринскими именьями. Прочие офицеры, пробыв в 1797 г. некоторое время под арестом, были освобождены и более, насколько известно, не преследовались (Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. С. 363—364). Тищенко и Мандрыкин с начала 1797 г. находились в Петербурге под судом по делу о финансовых злоупотреблениях, но о предъявлении им других обвинений ничего не известно (Там же. С. 356).

⁴¹ Вербицкий Э. Д. Борьба тенденций в правящих кругах России в отношении буржуазной Франции в кон. XVIII ст. (1795—1800 гг.) // Доклады симпозиума по истории Франции XVIII ст. и ее связей с Россией, Украиной и Молдавией. Кишинев, С. 44—45, 47.

⁴² Сафонов М. М. Суворов и оппозиция Павлу I. С. 131.

⁴³ Ланин Р. С. Внешняя политика Павла I в 1796—1798 гг. // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Л., 1940. Вып. 10. С. 42—44.

⁴⁴ Сорокин Ю. А. Российский император Павел I. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1989. С. 17.

⁴⁵ См.: Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962. С. 115—125, 161.

⁴⁶ А. В. Суворов. Письма. С. 746—747, 748.

⁴⁷ Там же. С. 750.

⁴⁸ Сорокин Ю. А. Российский император Павел I. С. 17.

⁴⁹ А. В. Суворов. Письма. С. 755.

⁵⁰ Сафонов М. Последняя опала генералиссимуса: Отчего Суворов впал в немилость С. 41. Авторы одной из недавних работ, опираясь на выводы М. М. Сафопова, сделали даже следующее заключение: «Связующим звеном между оппозиционными Павлу I группами выступал А. В. Суворов, через которого организаторы заговора получили выход на Лопухиных — родственников фаворитки императора.» (Волкова И. В., Курукин И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII—XX вв. // Вопросы истории. 1995. № 5—6. С. 50.). Однако на указанных в ссылке страницах сборника писем Суворова и статьи Сафопова таких сведений не содержится.

К. Л. Козюренко

«ИСТОРИЯ О СВЕТОСТИ»

История взаимоотношений императора Павла I и полководца А. В. Суворова, двух самых неординарных личностей российской истории последних лет XVIII в., всегда пользовалась особым вниманием их биографов. Согласно схеме, сложившейся в русской историографии 2-й половины XIX—начала XX вв., эти отношения прошли три этапа. Первый, от воцарения императора до возвращения Суворова на службу в феврале 1799 г., в целом характеризуется срывавшимися попытками достичь взаимопонимания и взаимным неприятием. Второй, до конца марта 1800 г., является фактической идиллией, полной гармонией между государем и его генералиссимусом. Наконец последние полтора месяца жизни А. В. Суворова омрачены сколь тяжелой, столь и неожиданной опалой, по поводу причин которой среди исследователей до сих пор нет единого мнения¹.

Гренадерский унтер-офицер
мушкетерского полка, 1797—1801 гг.